

- Когда я говорил, что он мне не нравится?!

Я лишь просил, чтобы он не влюблялся в меня.

...

Чёрт.

Осознав, что для Гу Цицина разницы нет, Чжоу Цыбай раздражённо провёл рукой по волосам.

Неужели его раньше пинком осла ударили по голове? Как он мог такое сказать!

Мысль о том, что после переезда Гу Цицина тут же облепят всякие Пэй Имины, вызывала тошнотворную тяжесть в груди.

Но если сейчас прямо запретить ему съезжать - раскроется, что он Бай Чжоу*.

(*Бай Чжоу - псевдоним Чжоу Цыбая в переписке)

А пока раскрываться нельзя: без этого аккаунта он бы и не узнал, что Гу Цицин планирует уйти.

Почему он всё держит в себе? Боль, обиды, слова - ничего не выплёскивает?

Чжоу Цыбай чувствовал вину, злость и щемящую жалость.

Как Гу Цицин мог считать, что его нельзя не любить?

В общезнании ему было хорошо. Лу Пин, Ван Цюань - все его обожали. Неужели он не скучает при мысли о переезде?

Или достаточно одного человека, чтобы он пожертвовал своими желаниями ради чужого комфорта?

Чжоу Цыбай не понимал.

Он не сделал ничего плохого. Зачем постоянно страдать?

Прежде чем мысли оформились, сзади раздался мягкий голос:

- Ты ищешь Чжи-Чжи?

Чжоу Цыбай поднял взгляд.

Перед ним стояла элегантная женщина с нежной улыбкой. Во взгляде - наивная кокетливость, как у Гу Цицина.

Но если у того за игривостью сквозила рациональная холодность, то её обаяние было подобно вьюнку - хрупкому и цепкому.

Сходство во внешности бросалось в глаза.

Вспомнив, как Гу Цицин во сне называл себя «Чжи-Чжи», Чжоу Цыбай выпрямился, слегка нервничая:

- Здравствуйте, тётя.

Женщина улыбнулась:

- Ты ищешь Чжи-Чжи? Я звонила, но он не отвечает. Пойдём вместе?

Мысль о разбросанных презервативах, лубриканте и следах на теле Гу Цицина заставила Чжоу Цыбая выпалить:

- Нет! Он, наверное, спит. Не будем мешать!

Инь Лань взглянула на аптечную сумку и ключ-карту в его руке:

- Ты вчера забрал Чжи-Чжи, да?

Сердце Чжоу Цыбая ёкнуло.

Неужели она знает?

- Вчера он с братом не выходил на связь. Я волновалась, - продолжила Инь Лань. - Потом друг его брата сказал, что Чжи-Чжи напился, и однокурсник забрал его. Это ты? Чжоу Цыбай?

Она думает, что он просто помог пьяному.

Чжоу Цыбай кивнул:

- Да, это я.

- Как Чжи-Чжи и описывал - воспитанный мальчик. Спасибо тебе. Если он ещё спит, давай выпьем чаю?

На террасе отеля Инь Лань заказала чёрный чай, пирожные и макаруны:

- Чжи-Чжи обожает сладкое. В детстве объедался конфетами, зубы болели - плакал, но молчал. Обнаружив, даже ругать не смогла.

Чжоу Цыбай запомнил.

- Почему его зовут Чжи-Чжи? - не удержался он.

Глаза Инь Лань смягчились:

- Поздно заговорил. Путал «Цзи» и «Чжи». В садике говорил: «Я - Цзи-Цзи, а это - и-Чжи Гоу». Чтобы научить, стала звать Чжи-Чжи.

Представив малыша с пухлыми щёчками, серьёзно тараторящего «и-Чжи», Чжоу Цыбай усмехнулся.

- Что? - спросила Инь Лань.

- Просто... мило.

- Да, - женщина вздохнула. - Он всегда был таким. В детстве тяжело болел. Я работала, не могла быть рядом. Он говорил: «Мама, не больно». Но как поверить? Потом вышла за клиента - отца Гу Цзюэ. Он оплатил лечение в США.

Голос дрогнул. Чжоу Цыбай насторожился.

- Спасибо за вчерашнее. Если б с ним что-то случилось... - Инь Лань посмотрела на него. - Ты, наверное, очень близкий друг?

Чжоу Цыбай вспомнил: «Чжи-Чжи остался только ты».

- Хорошо, что у него есть ты. Иначе с историей Ли Вана и брата... Не знаю, как объясниться с отцом Гу Цзюэ.

- Объясниться? - Чжоу Цыбай нахмурился. - Разве не Ли Ван и Гу Цзюэ должны ответить?

Инь Лань вздохнула:

- Без отца Гу Цзюэ я бы не смогла вылечить Чжи-Чжи. Это мой долг. Если б Чжи-Чжи пострадал или вызвал полицию, проект брата провалился бы...

- И что? - Чжоу Цыбай сжал кулаки. - Вам всё равно, через что он прошёл? Как он себя чувствует? Лишь бы «не испортить лицо»?

Инь Лань замерла.

- Вы любите его, но... - он сделал паузу, - если б мою мать кто-то обидел, она защищала бы меня, а не радовалась, что пронесло. Поэтому он молчит. Единственный, на кого можно опереться, учит его смиряться.

Инь Лань пыталась что-то сказать, но он продолжил:

- Я не стал вызывать полицию, потому что для Чжи-Чжи это был козырь. Вы думаете, что жертвуете собой ради него. Но он жертвует собой ради вас.

Извинившись, Чжоу Цыбай встал:

- Ему нужно лекарство. Я пойду.

Вернувшись в номер, он схватился за волосы. Зачем он так резко говорил с её матерью?

Но поздно. Теперь главное - чтобы Гу Цицин знал: он нравится ему. Не съедет.

Написав брату о Ли Ване, он открыл дверь.

На кровати, свесив руку с края, спал Гу Цицин. Телефон валялся на ковре. Ресницы дрожали во сне.

Гу Цицин, похоже, уснул от изнеможения, так и не закончив переписку.

Вспомнив, как обходился с ним прошлой ночью, Чжоу Цыбай виновато отвел взгляд.

Тихо закрыв дверь, он поправил спящего на кровати, попытался поправить одеяло - и замер.

Из распахнутого ворота халата виднелись покрасневшие следы на груди.

Лицо вспыхнуло. Схватив купленную мазь, он, стиснув зубы, начал аккуратно наносить её кончиками пальцев.

Но руки, привыкшие к баскетбольному мячу, оказались неуклюжими. От лёгкого прикосновения Гу Цицин хмуро застонал во сне.

Чжоу Цыбай затаил дыхание, уменьшив нажим до едва ощутимого.

К концу процедуры лоб покрылся испариной, уши пылали.

Застегнув халат до подбородка и укутав одеялом, он наконец выдохнул.

Рассчитав время, заказал продукты. На кухне приготовил свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе и рыбу «белка»*.

(*«Рыба-белка» - традиционное китайское блюдо)

Потом вернулся в ванную. Подобрал с пола одежду, порозовел.

Вещи можно было отдать в прачечную, но мысль о чужих руках на нижнем белье Гу Цицина вызвала отторжение.

Стиснув зубы, огромный парень втиснулся в тесную ванную. Сосредоточенно тер кусочек ткани, словно разминировал бомбу.

«Я же испачкал - мне и чистить».

Выстирав, высушил, отгладил. Аккуратно сложил у кровати.

Проснувшись, Гу Цицин увидел тёмное окно. Из гостиной лился свет и аромат еды.

- Чжоу Цыбай?

Тот мгновенно возник в дверях с тарелкой:

- Разогрел еду.

Гу Цицин молча осмотрел его. Ручная готовка в отеле с мишленовским рестораном?

- Почему ты ещё здесь?

- Э-э... - Чжоу Цыбай запнулся.

Взгляд Гу Цицина упал на сложенное бельё:

- Ты и нижнее постирал?

- Это случайно попало! - выпалил Чжоу Цыбай, заливаясь краской.

Внезапный звонок прервал его.

- Мама? - Гу Цицин приложил трубку к уху. - Хорошо. Выхожу.

- Зачем? - спросил Чжоу Цыбай, брови сведя.

- Рождественское шоу на крыше. Видеозвонок с семьёй.

- Но ты ещё слаб. Обязательно идти?

Гу Цицин потянулся за одеждой:

- Желания не имеют значения.

- Как не имеют?! - Чжоу Цыбай поставил тарелку с грохотом. - Почему ты всегда уступаешь?

- Не все могут позволить себе отказы. - Гу Цицин расстёгивал пояс. - Я жил за чужой счёт. Без одобрения - без дома.

- Но если ты откажешь, это не сделает тебя хуже!

- А если сделает?

- Потому что ты достоин любви просто так!

Гу Цицин замер. Чжоу Цыбай отвернулся, уши алая.

- И... - он прочистил горло, - комендантский час прошёл. Не бросишь же меня одного.

Стоял, упрямо уставившись в стену, будто внезапно обнаружив там шедевр живописи.

<http://bllate.org/book/14413/1274351>